

Гамильтон Гибб

ДАМАССКИЕ ХРОНИКИ КРЕСТОНОСЦЕВ

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Гамильтон Гибб

Дамасские хроники крестоносцев

«Центрполиграф»

Гибб Г.

Дамасские хроники крестоносцев / Г. Гибб — «Центрполиграф»,

В основу книги Г. Гибба лег манускрипт «Продолжение дамасской хроники» Ибн-Каланиси, ставший одним из первоисточников для работ всех последующих арабских историков. Автору удалось, литературно обработав хронику, сохранить последовательность и достоверность исторических событий. Материалы, представленные в манускрипте, взяты из письменных и устных источников, иногда приводятся рассказы непосредственных участников событий. Именно потому книга уникальна и представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

© Гибб Г.

© Центрполиграф

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Гамильтон Гибб

Дамасские хроники крестоносцев

ВВЕДЕНИЕ

Дамасская хроника

Историки неоднократно отмечали отсутствие арабских летописей времен Первого крестового похода и последовавшего за ним периода, хотя и считается, что Ибн аль-Асир и более поздние арабские летописцы все же пользовались в своих работах материалами своих современников. Однако несколько лет назад в Бодлеанской библиотеке (Hunt. 125) был обнаружен один из арабских манускриптов, содержащий считавшееся потерянным «Продолжение дамасской хроники» Ибн аль-Каланиси. Это произведение часто цитировалось различными авторами, но, как считалось, охватывало период после Второго крестового похода. Однако при изучении рукописи выяснилось, что более двух третей книги посвящено истории первых шестидесяти лет Крестовых походов. Понимая, как велико ее значение, Х.Ф. Амедрос отредактировал и издал текст в 1908 году вместе с кратким изложением содержания, а также заметками и выдержками из других неопубликованных источников. Из-за отсутствия перевода находка этой хроники, похоже, прошла незамеченной для европейских историков, и поэтому выдержки из нее, представленные в данной книге, являют собой первую попытку познакомить последних с этим уникальным текстом.

В произведении практически ничего не говорится о самом авторе «Дамасской хроники». К счастью, краткое, но достаточно информативное описание его жизни можно найти как в библиографическом словаре знаменитых людей Дамаска, составленном его более молодым современником Ибн Асакиром, так и на страницах работ некоторых более поздних историков, которые обычно завершали анналы каждого года краткими некрологами, посвященными известным личностям, скончавшимся в течение него.

Хамза, сын Асада, известный как Абу Йала, принадлежал к древней и уважаемой дамасской семье, гордившейся своим происхождением от арабского племени тамимов, и носил имя аль-Каланиси (Шляпник). Как и большинство горожан высшего круга, он получил хорошее образование в области литературы, теологии и законов и поступил на государственную службу секретарем Дивана переписки или Верховного суда, где, по-видимому, дослужился до начальника (*'amid*). Кроме этого, он дважды занимал самую высокую гражданскую должность в городе – раиса, или мэра, – круг полномочий которой нам недостаточно ясен. В последующие годы этот же пост занимал его племянник (в год 548 от хиджры; с. 325 арабского текста). Он скончался в пятницу, 7-й день первого месяца раби 555 года (18 марта 1160 г.), в возрасте старше девяноста лет, а его старший брат, Мухаммад, умер незадолго до него, в январе 1145 года, в возрасте восьмидесяти четырех лет (считается, естественно, по лунным годам). Отсюда следует, что, когда Первый крестовый поход обрушился на Сирию, он был уже в зрелом возрасте и при этом, скорее всего, он не принимал никакого участия в боевых действиях, что не делает его хронику менее интересной, поскольку она представляет собой взгляд современника на злоключения крестоносцев, как их воспринимали в Дамаске, с начала Крестовых походов и вплоть до его смерти.

Не считая поэм, многие из которых он цитирует, хроника, похоже, является единственным литературным произведением Ибн аль-Каланиси. Построение и название книги «Продолжение хроники Дамаска» указывают, что она была задумана как дополнение к более ранней

хронике, произведению известного историка Хилала бен аль-Мухассина аль-Саби, и начинается с момента, где та была прервана из-за смерти автора в 448 году от хиджры (1056). С другой стороны, если хроника Хилала была универсальной по своей форме, то ее продолжение, составленное Ибн аль-Каланиси (вместе с цитатами из более раннего произведения, использованными им в качестве введения), посвящено главным образом городу Дамаску и лишь мимоходом затрагивает события в других регионах.

По всей видимости, к созданию этого произведения его подтолкнули возможности его социального положения, так как весь рассматриваемый период охватывает жизнь как его отца, так и его самого. Представленная им информация взята из письменных и устных источников, а порой даже из рассказов непосредственных участников событий. Примечательно, что автор довольно редко цитирует какие-либо документы, хотя многие его повествования основаны на изложении документальных материалов. Большинство из них, очевидно, было записано в то время, когда эти документы были получены и впоследствии изучены, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в тексте, например частое использование настоящего времени, особенно в последних разделах. Одно из явных достоинств этого произведения – это его последовательность и точная хронологизация событий. Во всем остальном автор сам объясняет методы своей компиляции в отступлениях, датированных 540 годом от хиджры (с. 283 арабского текста):

«Я завершил рассказ о событиях, изложенных в этой хронике, разместил их по порядку, постарался избежать ошибок и необдуманных суждений, а также неаккуратного подбора материалов, которые я записал с рассказов заслуживающих доверия людей и сам тщательно проверил их достоверность вплоть до благословенного 540 года. С 535 года и до этого момента я был занят другими важными делами, которые не позволили мне провести полное исследование текущих событий для их описания в этой книге, а также определить реальность этих событий и сопутствующих им условий. Поэтому после описания событий каждого года я оставлял незаполненное место, чтобы позже внести туда рассказы о событиях, достоверность которых была проверена».

Значение «Дамасской хроники» для изучения ранней истории Крестовых походов состоит в том, что она являлась одним из первоисточников для работ всех последующих арабских историков. Ее широко цитируют Сибт ибн аль-Джаузи и Ибн аль-Асир в их общей истории, Абу Шама в его библиографическом произведении о Нур аль-Дине, а также многие другие авторы. Поскольку работы всех этих составителей были переведены и использовались современными историками Крестовых походов, лишь незначительная часть ее содержания полностью нова. Сама по себе, хроника отражает односторонний взгляд на Крестовые походы, поскольку все внимание автора было посвящено Дамаску, в связи с чем он уделяет больше внимания соседнему Иерусалимскому королевству, чем борьбе участвовавших в Крестовых походах северных стран с княжествами Алеппо и Мосула. Этот аспект Крестовых походов необходимо дополнить «Хроникой Алеппо» Камала аль-Дина, который хотя порой и цитирует Ибн аль-Каланиси дословно, но все же основывает свой рассказ на независимых местных источниках.¹

Несмотря на это, оригинальное произведение Ибн аль-Каланиси содержит много материалов, так и не использованных последующими составителями, а также множество характерных деталей, делающих его драгоценным источником для всех будущих исследователей

¹ Вероятно, основанием для истории ранних Крестовых походов Камала аль-Дина послужил современный ему источник «История франков, пришедших в земли ислама» Хамдана бен Абд аль-Рахима из Аль-Атариба, умершего в 1159 г. (на него ссылается Ибн Муййясар в *Annales d'Egypte*, ed. H. Masse. Cairo, 1919. P. 70, 6–7).

ранних Крестовых походов. Например, произведение дает возможность впервые проследить процесс возникновения и роста ненависти мусульман к крестоносцам, когда все возрастающее возмущение народа постепенно возобладало над междоусобицей мусульманских князей, что особо проявилось во время правления Нур аль-Дина и вылилось в яркий реванш над Саладином. Эти факты не нашли должного отражения в произведениях современников Саладина и даже Усамы ибн Мункида, который жил в более ранний период, но написал свои воспоминания лишь в конце жизни. Именно этот факт оправдывает включение данных подборок в записи, иначе может показаться, что в них слишком много внимания уделяется внутренней истории Дамаска и его взаимоотношениям с другими мусульманскими государствами. Более того, «Дамасская хроника» добавляет новые материалы к многочисленным эпизодам. Очень интересные моменты можно обнаружить в живописном описании осады Тира зимой 1111/12 года (с. 87–90) и изначальной деятельности «ассасинов» (с. 134 и далее). Тесные отношения, которые, как показывает Ибн аль-Каланиси, все еще существовали между Дамаском и двором Фатимидов в Египте, также позволили ему достаточно подробно рассказать о спорадических действиях египтян, направленных против крестоносцев. В последующих хрониках его тексты используются в значительном сокращении, отчего многие подробности, интересные для современного историка, теряются. Наряду с датами одна из таких упущенных деталей – это определение дней недели, что, несмотря на ошибки копиистов, имеет огромное значение для установления точной хронологии событий.

С другой стороны, «Дамасская хроника» имеет свои характерные трудности, особенно в плане языка и стиля. В подлинно дипломатической манере Ибн аль-Каланиси зачастую скрывает собственные мысли за хитросплетенными и расплывчатыми фразами, что затрудняет понимание. Для современного исследователя эти трудности усугубляет его словарь. Многие из использованных слов это сирийские слова того времени, и, хотя воспоминания Усамы ибн Мункида, единственного сирийского автора того времени, работы которого все еще представляют значительный интерес, временами проливают некоторый свет, в большинстве случаев их значение можно определить только по контексту. Ряд этих арабских слов и фраз я цитирую в сносках в надежде на то, что другие авторы смогут вернее интерпретировать их. Более того, реконструкция текста одной-единственной рукописи, как хорошо известно, представляет собой значительную сложность на всех языках, а тем более на арабском. Написания многих слов явно неправильны, и выдержки из хроники в других, более поздних текстах мало помогают в их истолковании, так как большинство таких мест были просто опущены составителями. Если же в результате работы с текстом были допущены некоторые вольности, то в оправдание можно сказать, что без них он либо вообще утрачивает смысл, либо приобретает явно неверное значение, а когда такие поправки удавалось проверить, сравнив с цитатами в работах более поздних авторов, то, как правило, они оказывались вполне оправданными.

Сирия во время Первого крестового похода

Тот факт, что в значительной степени Первый крестовый поход обязан своим успехом слабости встреченного им сопротивления, признают все современные историки. Сложность политической ситуации в Сирии в конце XI века и первых десятилетий XII века, когда дело доходило до анархии, считается одним из самых важных элементов истории Крестовых походов. Это не только сделало задачу захватчиков менее сложной, чем она могла бы быть несколькими годами ранее, но также в значительной мере объясняет молчаливое непротивление сирийских князей созданию крестоносцами своих независимых владений, поскольку итоговое политическое разделение в целом происходило традиционным образом. Естественно, современному исследователю трудно полностью разобраться во всех этих обстоятельствах, особенно если он незнаком с предысторией Востока, где и разворачивалась драма Крестовых

походов. Поэтому подробный анализ положения в Сирии в тот период на основе арабских источников является важным предварительным условием.

В то время в Сирии существовало шесть четко определенных сил, конфликтующих друг с другом. Это были: 1) империя Фатимидов; 2) местные арабские племена и князья; 3) племена туркмен сельджуков; 4) турецкие военные офицеры, или эмир; 5) независимые или несельджукские туркменские племена; 6) остальное население. Возможно, полезнее будет разобрать все эти элементы в отдельности, чем следовать строго хронологическому порядку.

1. Халифат Фатимидов, возникший в Северо-Западной Африке в 909 году, а в 972 году перенесший свою резиденцию в Египет, явно претендовал на религиозное лидерство в исламском мире, которое уже присвоили себе халифы Аббасиды в Багдаде. Для того чтобы править прежде всего у себя дома, им было необходимо владеть Сирией, и со времени захвата Египта они сделали это своей основной задачей, которую выполняли с помощью прежде всего войск берберов из своих африканских провинций, а затем войск турецких рабов. Однако в Сирии они постоянно встречали ожесточенное сопротивление, и не столько на религиозной почве,² сколько из-за амбиций сирийских арабских князей, старавшихся сохранить свою независимость. В период между 1038 и 1058 годами их власть распространялась на всю Сирию (за исключением Антиохии, которой владели греки) и признавалась даже в западной Месопотамии. В последний год правления их сюзеренитет был признан даже в Багдаде, благодаря временному успеху взбунтовавшегося вассала в правительстве Аббасидов. Но с этого момента, после продолжительного экономического и военного кризиса в Египте (1062–1073), лишившего их средств для поддержания собственного могущества, их власть стала постепенно ослабевать. В конце концов в 1060 году пал Алеппо, Триполи и Тир оказались в руках местных правителей, и правители Дамаска не могли больше удерживать власть из-за развала армии, так что появление армии туркмен в Сирии в 1070 году привело к потере не только Дамаска, но и большей части Палестины (включая Иерусалим).

Несправедливость правления первого военачальника-туркмена вызвала всеобщее возмущение населения, обратившегося за помощью к Фатимидам, что не получило должной поддержки в виде эффективной военной помощи. Во внутреннюю часть страны было совершено несколько sporadических экспедиций, но они не принесли никаких результатов. С другой стороны, египтяне все еще господствовали на море, и им удалось вернуть (1089) северные прибрежные города вплоть до Джебеля, который они удерживали до момента нашествия крестоносцев. Из рукописи Ибн аль-Каланиси явствует, что, исключая возврат Иерусалима в 1098 году и несколько экспедиций в южную Палестину во время правления великого визиря армянина аль-Афдала, военные действия Фатимидов в Сирии почти полностью ограничивались военно-морским флотом. В последующие годы армии Фатимидов стали разрушать внутренние распри, так что вскоре она стала опасной разве что для своих собственных правителей.

Вместе с тем было бы серьезной ошибкой предполагать, что влияние Фатимидов в Сирии было полностью утрачено из-за преследовавших их невзгод и все усиливающейся слабости. Из рассказов следует, что у них еще оставалось множество могущественных сторонников в главных городах и отдаленных районах, и даже сельджукские князья и их преемники считали полезным заручиться их благосклонностью. Определенный разрыв между Фатимидами и мусульманскими князьями Сирии произошел, похоже, лишь во времена Нур аль-Дина.

² Эзотерическая шиитская доктрина Фатимидов предназначалась лишь для «внутреннего пользования»; официальная же политика империи лишь ненамного отличалась от политики ортодоксальных суннитов, политика которых в религиозных вопросах, как правило, была наиболее толерантной. Главным вопросом здесь был политический – он заключался в праве рода Али на халифат против права рода Аббасидов.

2. Сопротивление попыткам Фатимидов установить свое господство в Сирии в основном оказывалось шейхами полукучевых арабских племен, создававших собственные небольшие княжества либо захватывавших земли в различных частях страны. Трансиорданские и западные границы Сирийской пустыни удерживало племя тайи, являвшееся постоянной головной болью в принадлежащей им части Палестины и сыгравшее лишь незначительную роль в истории Крестовых походов. Более значимыми в политическом плане были племена Месопотамии, особенно конфедерации Укайил и Килаб. Последняя под предводительством рода Мирдаса после полувековой борьбы в Северной Сирии наконец захватила в 1060 году Алеппо, но уже в 1079 году уступила его своим соперникам Укайлидам, которые в то время поддерживали сельджуков. Но столь быстрое расширение доминиона Укайлидов от Алеппо до Мосула привело их к конфликту с сельджукским князем Сирии. В кратчайшие сроки они были изгнаны из Алеппо и их владений в Месопотамии и рассеяны, однако двум ветвям этого рода удалось задержаться в Калат-Габаре и Среднем Евфрате до времен Занги и Нур аль-Дина.

Но не только вождям больших племенных групп удавалось создавать свои княжества на сирийской территории. Ко времени Первого крестового похода несколько важных городов и крепостей находились в руках местных арабских правителей, которым удавалось сохранять свою независимость за счет гибкой дипломатии и раздоров между их более могущественными соседями. При падении правительства Фатимидов в 1070 году кади Тира, Ибн Аби Акил, объявил себя независимым и удерживал город до его захвата египтянами в 1089 году. Кади Триполи, Хасан ибн Аммар, восставший в том же году, был более удачлив, и Триполи оставался в руках последующих членов той же семьи до захвата города крестоносцами. В 1080 году одному из них даже удалось распространить свое правление на Джабалу, потеснив греков. Следует отметить, что ни в Тире, ни в Триполи духовный сюзеренитет халифа Фатимида не отрицался, хотя при этом правители обоих городов стремились заручиться помощью туркменских захватчиков в борьбе против него и его попыток захватить их города, а Ибн Аммар в Триполи заявлял, что имеет грамоту на владение городом от сельджукского султана в Багдаде.

Еще более примечательное арабское княжество было основано в Шейзаре в 1081 году Али ибн Мункидом, который в том году купил город и его цитадель у христианского епископа. Весьма толерантная политика в отношении подданных христиан укрепила популярность его семьи, и имена князей Шейзара можно часто встретить в анналах Северной Сирии, пока вся семья полностью не исчезла под руинами цитадели во время землетрясения 1157 года. Усама ибн Мункид, автор тех ярких «Воспоминаний», которые пролили столь много света на социальную историю периода Крестовых походов, был внуком Али.

Авантюристу гораздо меньшего масштаба, Калафу ибн Мулаибу, также удалось создать свое независимое княжество. Сначала в 1082 году он был назначен укайлидским князем Алеппо управлять городом Химс, который считался буферной зоной между ним и сельджукским князем Дамаска, но в 1090 году он был изгнан оттуда, а потом и из Афамии, куда бежал в 1091 году. После нескольких лет тюремного заключения в Исфахане он удалился в Египет и в 1096 или в 1097 году вновь был пожалован властью в Афамии одним из халифов Фатимидов, которого депутация жителей города, восставших против сельджуков, просила назначить им правителя. О последующей судьбе Калафа можно узнать из перевода отрывков из манускрипта Ибн аль-Каланиси.

3. XI век стал свидетелем обширной миграции туркменских племен, широко известных как огузы, от границ азиатских степей по всей Западной Азии. Сельджуки были вождями одного из этих племен. Им удалось создать мощную армию, с помощью которой они постепенно захватили Хорасан, Персию, Ирак, Армению и Анатолию. Будучи строго ортодоксальными суннитами, они провозгласили себя аббасидскими халифами Багдада и в результате были объявлены врагами халифов Фатимидов Каира. Первые группы огузов появились в Сирии незадолго до 1070 года. В тот год один из их предводителей, Атсиз, захватил Палестину от

имени сельджукского султана Алп-Арслана, который в тот же год сделал укайлидского принца Алеппо своим вассалом. В 1075 году Атсиз захватил Дамаск у командира берберского гарнизона, но в следующем году потерпел поражение при нападении на форпосты Египта – к большому удовольствию жителей Дамаска, которые ненавидели его тиранию.

Поражение Атсиза можно в определенной степени отнести за счет решения преемника Алп-Арслана, Малик-шаха, послать в 1077 году своего брата Тутуша в Сирию с армией сельджуков, пообещав им «все, что они захватят в Сирии». Тутушу не стоило большого труда захватить Дамаск и отбить Палестину у Фатимидов, но Алеппо оказал ему серьезное сопротивление. Фактически Малик-шах дважды лично вмешивался, чтобы, как это могло показаться, помочь защите Алеппо от своего брата. В первом случае укайлидский князь попытался заключить союз с Фатимидами против Тутуша. После этого, в конце 1082 года, Малик-шах занял город, но вернул его укайлиду как своему вассалу. Два года спустя сельджукский султан Анатолии, Сулейман ибн Куталмыш, захватил Северную Сирию, вернул Антиохию и в ходе битвы убил укайлида, но ему не удалось захватить Алеппо. Впоследствии (1086) между Сулейманом и Тутушем произошел конфликт, в результате которого Сулейман был убит, а Тутуш захватил Алеппо. Малик-шах вновь отправился в поход, захватил Алеппо, Антиохию и Аль-Руху (Эдесса) и отдал их в качестве фьефов турецким военачальникам. Алеппо же вошел в долю Ак-Сонкора, отца Занги.

В течение нескольких последующих лет эти полководцы преданно поддерживали усилия Тутуша, направленные на расширение доминионов сельджуков в Сирии и низвержение укайлидов в Месопотамии и Диярбакыре. В это время Малик-шах умирает (ноябрь 1092 г.), а ему на смену в качестве султана приходит его сын Берк-Ярук. Однако Тутуш сам мечтал об имперском титуле, почему и отправился в поход на Хорасан. Но его первая попытка оказалась неудачной из-за решения Ак-Сонкора из Алеппо и нескольких его приближенных военачальников оказать поддержку Берк-Яруку, и ему пришлось вернуться в Сирию, чтобы разобраться с ними. В мае 1094 года он разбил объединенные силы Алеппо, Аль-Рухи и Мосула, казнил Ак-Сонкора и его сподвижников, захватил их города и вновь отправился в поход на Хорасан. В течение нескольких месяцев он официально назывался султаном, пока Берк-Ярук не возобновил свою борьбу и 26 февраля 1095 года разгромил его войска возле города Рей (Тегеран). Сам Тутуш погиб на поле боя от рук, как рассказывали, воинов Ак-Сонкора. Именно эта битва определила судьбу Первого крестового похода. Если бы крестоносцы встретились с объединенными силами унитарного королевства, созданного Тутушем, то историю непременно пришлось бы переписывать, но его с таким трудом созданные сирийские владения снова распались из-за соперничества его сыновей Рудвана и Дукака, а также алчности его бывших полководцев.

4. В X веке старую бюрократическую администрацию халифата и государств, образовавшихся на его руинах, постепенно сменила военизированная система правления. Правители городов и провинций выбирались из числа военных командиров или *amirs*. В большинстве случаев это были бывшие турецкие рабы, которые не только имели почти полную власть в своих фьефах, но также содержали свои собственные регулярные армии из турецких рабов. Желание объявить о своей независимости подхлестывала та деспотичная манера, в которой верховные властители обычно отдавали свои приказы, а также опасность лишиться собственности и даже быть казненным по малейшему подозрению. Восхождение на трон слабого правителя либо спор о преемнике обычно считались сигналом к распаду царства на ряд более мелких княжеств, правители которых, попросту «бароны-грабители», вели нескончаемые распри друг с другом, пока меч самого сильного из них не восстанавливал порядок. Нередко эмир отправлялся со своим войском в какой-нибудь отдаленный район, силой захватывал его и удерживал в своем владении, пока его либо низвергали, либо он получал официальную грамоту на владение.

Сельджуки не внесли никакого материального изменения в эту систему, если вообще такой термин можно тут использовать. Их собственная имперская система являлась ассоциацией разрозненных княжеств, во главе которых стояли представители рода сельджуков («князья»), каждый из которых оставался преданным главе семьи или «Великому сельджуку» в Персии и Багдаде, носившему титул «султан». От подданных тюркских правителей в качестве условия сохранения своего титула даже требовалось содержать их собственные армии. Такая организация хорошо работала при первых трех султанах, но после смерти Малик-шаха в 1092 году вновь стала проявляться старая проблема, и в различных частях империи (и главным образом в Сирии) амбиции и соперничество среди военачальников и князей привели к непрерывной войне. Как мы уже видели, Тутуш был свидетелем подъема правителей Северной Сирии, и, хотя ему временно удалось подавить это движение, после его смерти их мятежный дух вновь возобладал. После казни Ак-Сонкора самым сильным правителем стал Яги-Сиян, назначенный правителем Антиохии примерно в 1090 году. Его владения постепенно расширились (явно благодаря Тутушу) и охватили Менбидж и Телль-Башир. С того момента, как Рудван, сын Тутуша, захватил Алеппо, Яги-Сиян стал открыто враждовать с ним, и его примеру следовали многие.

Другим фактором, способствующим появлению независимых турецких княжеств, был атабегат, характерный для сельджуков институт. Мы уже видели, что система управления сельджуков характерна тем, что каждой провинцией управляет член правящей династии. К каждому из этих князей был приставлен тюрк-военачальник, имевший звание атабек или «наставник», ответственный за военное обучение и управление их провинциями. А поскольку атабек являлся младшим родственником «царя» сельджуков, он пользовался гораздо большей властью, чем обычный военачальник. Похоже, что, по обычаю, атабек также получал в жены мать своего подопечного и отдавал ему в жены одну из своих дочерей. В соответствии с этой практикой Тутуш назначил эмира Джанах аль-Даула аль-Хусаина атабеком к своему сыну Рудвану, а эмира Захир аль-Дин Тугтегина – атабеком Дукака. После поражения и смерти Тутуша, когда Рудван захватил Алеппо и посягнул на владение Сирией, Джанах аль-Даула без каких-либо вопросов стал контролировать принадлежавшие ему территории. Дукак, второй сын Тутуша, тоже укрылся в Алеппо, но сбежал в Дамаск по тайному приглашению его правителя и установил там свое правление. В это время Тугтегин, захваченный в плен при битве у Рея, находился в Персии, но вскоре после освобождения направился в Дамаск и занял там пост атабека при содействии своей жены, матери Дукака, энергичной и сметливой княжны Сафуат аль-Мульк.

По мере ослабления солидарности сельджуков атабеки неминуемо должны были замечать династии их протеже своими собственными династиями. Но это отнюдь не означало, как того можно было ожидать, что произойдет разрыв с их сюзеренами, Великими сельджуками. Напротив, они продолжали соблюдать строгую субординацию по отношению к султанам, которые, со своей стороны, восприняли такой ход событий на удивление мирно. Атабегат стал просто формой, и, когда, например, в 1127 году было принято решение назначить Занги в провинцию Мосул, он был официально приставлен атабеком к двум младшим сыновьям султана, которые не принимали, да этого и не предполагалось, никакого участия в управлении провинцией. Поэтому исключение Тугтегина из числа сельджукских «царей» Дамаска после смерти Дукака полностью соответствовало практике тех дней.

5. Помимо местных арабских князей, сельджуков и их атабеков, а также турецких эмиров, в Месопотамии и Диярбакире новым элементом политической нестабильности стали огузы. Приход этих туркмен-кочевников, живших за счет разведения лошадей и грабежей, сам по себе был постоянным источником беспокойств, который еще более усиливался из-за необузданности и политических амбиций их вождей. Таким человеком был Атсиз, предшественник сельджуков в Сирии, однако силы Малик-шаха и Тутуша некоторое время сдерживали их, тем более что многие их вожди служили в армиях сельджуков. Распад созданного Тутушем царства

развязал им руки, и в течение двух-трех лет некоторым из них удалось создать свои собственные независимые княжества.

Из числа этих туркменских вождей наиболее известными в сирийских делах были Иль-Гази и Сукман, сыновья Ортука, туркменского офицера, которого Тутуш назначил правителем Иерусалима. Иль-Гази унаследовал титул своего отца, а его братья разбрелись в разные стороны в поисках счастья. Поначалу Сукман присоединился к Рудвану в его борьбе против Дукака и был за это пожалован владеть Мааррат-ан-Нуманом, но после захвата Иерусалима войсками Фатимидов в 1098 году предпринял попытку обосноваться в Аль-Рухе. Впоследствии он стал владеть политически более основательным княжеством в Гисн-Кайфе, а также захватил Мардин, который, однако, в 1108 году перешел к Иль-Гази, после чего там была основана вторая династия Ортукидов. Сын Иль-Гази, Сулейман, к тому времени в Самосате уже объявил о своей независимости, еще до прихода крестоносцев. В этот период другие члены этой семьи тоже образовали эфемерные княжества. Еще один вождь туркмен, Инал, восстал против Дукака примерно в 1096 году, захватил Амид и основал там династию, которая потом посредством брачных связей присоединилась к владениям Ортукидов Мардина.

6. В суматохе этих бесконечных распрей между соперничающими князьями, вождями и военачальниками инициативе самого народа, похоже, оставалось мало места. Если же во многих частях исламского мира, главным образом в Египте и Ираке, при решении политических вопросов народ не принимался в расчет, то в Сирии, напротив, народу удалось сохранить свое влияние, и он оказывал большое воздействие на ход событий. Сила Фатимидов, сельджуков и турецких военачальников фактически основывалась на армиях рабов, в то время как существование таких местных княжеств, как княжества Бану Мункида в Шейзаре, стало возможным только при поддержке местного населения. Даже в больших городах, особенно в Алеппо и Дамаске, влияние граждан было достаточным для того, чтобы сдерживать авторитарные тенденции их правителей. В общем и целом, турецкие правители опасались влияния народа, однако были склонны скорее принимать против него репрессивные меры, чем направлять в нужное русло. Естественным следствием этого стало превращение *ahdath* или вооруженных формирований граждан в недисциплинированные банды, а не в дисциплинированные войска, и при Фатимидах население Дамаска славилось своим неподчинением правителям. При защите своих домов от крестоносцев гражданское население доказало, что обладает боевыми качествами, которые при условии сильной поддержки могли оказаться более эффективными в деле сдерживания вражеского нашествия. Следует учесть, что политические распри и горести войны сказывались на городском населении не меньше, чем на беспомощных крестьянах. Сибт бен аль-Джаузи сообщает нам, что хаос, сопровождавший развал администрации Фатимидов, и неразумное правление Атсиза привели в 1075 году к таким экономическим трудностям, что население Дамаска сократилось с полумиллиона до трех тысяч. С другой стороны, просвещенное правление и экономическая политика Ак-Сонкора привели к быстрому росту и процветанию Алеппо, а при Тугтегине Дамаск также исключительно быстро оправился от последствий предшествующего правления.

Вместе с тем в городах и богатых сельскохозяйственных угодьях Сирии сила народного движения была менее значимой, чем в гористой местности, отделявшей внутреннюю часть страны от побережья. Горные гряды Ливана и их северное продолжение, арабский Джабал-Суммак, стали не только домом для христиан маронитов, но и убежищем для смутьянов и раскольников, создававших мощные организации, способные отражать силы мусульманских князей. В течение двух столетий, предшествовавших Крестовым походам, в этих диких местах смогли обосноваться сторонники двух ответвлений секты шиитов, на ранних этапах своего развития носившей характер народного революционного движения. На севере в Джабал-Суммаке проживали нусайриты, а на юге, вокруг горы Хермон, располагались поселения их ярых

врагов, даразитов или друзов. Между ними проживало большое число христиан маронитов. Место расположения этих независимых, а зачастую враждебных групп еще более осложняло связи между побережьем и внутренней частью страны, что снижало возможность совместных действий. Более того, в последнее время значительно окрепли их военные организации, что способствовало отражению набегов сельджуков, для которых, как для мусульман и создателей империи, ересь и независимость были в равной степени неприемлемы. С появлением крестоносцев они повели себя по-разному. О нусайритах мало что известно помимо того, что большое их число было истреблено франками. В своем большинстве друзы честно присоединились к мусульманам. Марониты, естественно, встали на сторону крестоносцев, а многие из них сражались в их рядах.

К моменту Первого крестового похода в Северной Сирии, помимо нусайритов и друзов, уже находилось в процессе формирования третье шиитское движение, также революционное по своему характеру. Это было знаменитое движение батинитов, раскольническое ответвление Фатимидов, приверженцы которого были широко известны как ассасины. Их общественная деятельность началась лишь несколько лет спустя, но и на этой стадии они достойны упоминания, поскольку их движение способствовало постоянной политической активности широких слоев населения и особенно мощному противлению тюркским правителям и другим местным князьям.

И наконец, население Сирии было далеко не однородным как по этническому составу, так и по языкам. Основная его часть состояла из оседлых и кочевых народов, несомненно, из арабов и арабизированных элементов, говорящих на арабском языке. Сюда же входили многочисленные местные христиане, жившие на севере и принадлежавшие к греческой, несторианской и яковитской церквям. Марониты, которые все еще в значительной степени использовали сирийский диалект, составляли, похоже, самое крупное меньшинство. Помимо них и тюрко-говорящих туркменских иммигрантов, там были большие сообщества курдов и особенно армян, проживавших главным образом на севере. У подножий Тавр и по берегам Евфрата курдам и армянам удалось создать несколько феодальных поместий и даже более крупных княжеств, которые, однако, стали исчезать под набегами туркмен. В некоторых, если не во всех, северных городах армяне составляли большинство населения, и не похоже, что отношение к ним было хуже, чем к другим подданным.

Дальнейший анализ ситуации в Сирии проливает свет на события, предшествовавшие нашествию первых крестоносцев. Определяющим фактором создавшейся ситуации была вражда двух сыновей Тутуша, Рудвана и Дукака. Во время военных походов Тутуша в Месопотамию и Хорасан Рудван выполнял обязанности наместника своего отца в Сирии, а Дукак заполучил в качестве фьефа Диярбакыр. Когда пришла весть о битве при Рее, Рудван направлялся из Сирии на помощь Тутушу с военными подкреплениями, но тут же повернул в Алеппо, чтобы защитить свой наследный трон сирийского князя. Не успел он завершить начатое дело, как Дукак уже прибыл в Алеппо и, по тайному приглашению правителя Дамаска, вышел из повиновения своему брату и захватил Дамаск, сохранив при этом свои фьефы в Диярбакыре и Месопотамии. Рудван, естественно, вознамерился вернуть свои права силой, и оба князя, предчувствуя неминуемость предстоящей схватки, в поисках союзников обратились прежде всего к полководцам Тутуша и туркменским вождям. Самым могущественным из них был Яги-Сиян из Антиохии, который, возможно, и поддержал бы Рудвана, если бы не сильная личная антипатия, которую он испытывал к Джанах аль-Дауле, атабеку Рудвана. По этой причине он стал союзником Дукака, которого также поддерживал Иль-Гази, правитель Иерусалима. Тогда Рудван обратился за помощью к брату Иль-Гази, Сукману (в это время находившемуся в Серудже), с его туркменами, и к арабскому племени килаб.

Особенно сильно вражда их разгорелась в 1096 году, когда Рудван со своими союзниками успешно атаковал восточные владения Яги-Сияна. Дукак и Иль-Гази поспешили ему на

помощь, а Рудван в их отсутствие осадил Дамаск. Его нападение отразили горожане, но Рудван успел разорить большую часть провинции перед тем, как вернулся в Антиохию. Между тем временные разногласия между Дукаком и Иль-Гази, приведшие к заключению последнего под стражу, дали Сукману возможность захватить Иерусалим. В следующем (1097) году Дукак и Яги-Сиян снова отправились в поход и захватили несколько городов в Северной Сирии. Примерно в то же время Иль-Гази вернулся в Иерусалим, а Сукман присоединился к Рудвану, и с его помощью и при поддержке сына Иль-Гази, объявившего себя правителем Самосаты, им удалось изгнать захватчиков. Вскоре после этого Рудван поссорился со своим атабеком, Джанах аль-Даулой, который со всем своим войском покинул Алеппо и захватил Химс. Яги-Сиян тут же предложил свои услуги Рудвану в качестве его атабека и отдал ему в жены свою дочь. Незамедлительно началась подготовка к походу на Химс и Дамаск. В это же время в Алеппо прибыло посольство из Египта, и Рудван, ухватившись за предоставленную возможность, предложил организовать совместный поход на Дамаск, пообещав при этом признать духовный сюзеренитет халифата Фатимидов. Однако этот план не удался из-за протеста Яги-Сияна и Сукмана, и трое союзников отправились со своими силами на Шейзар. Именно в этот момент до них дошли вести о приближении франков к северным границам Сирии. Это сообщение смутило их, и поход был отменен, но вместо того, чтобы сплотиться перед лицом нового врага, армия распалась. Рудван поспешил обратно в Алеппо, а Яги-Сиян отправился в Антиохию, чтобы защитить город от франков. Даже в этот период Сукман, по-видимому, еще не задумывался над необходимостью защитить Сирию от крестоносцев. Он стремился лишь покорить Диярбакыр, правители которого объявили себя независимыми от Дукака. Он даже попытался уговорить Яги-Сияна и Рудвана отправиться туда, не принимая во внимание франкских захватчиков. На его уговоры никто не поддался, и тогда он отправился в поход вместе с Яги-Сияном, но потом присоединился к Рудвану. В результате Яги-Сиян остался один противостоять первому нашествию армий крестоносцев, имея лишь собственную армию и незначительную поддержку других князей, предоставленную ими в ответ на его просьбы.

Армии мусульманских государств

Тому, кто изучает историю Крестовых походов, нет смысла напоминать, что мусульманское военизированное государство давно кануло в Лету. Прежняя организация народного ополчения, когда каждый занесенный в племенные списки человек получал жалованье из общественной казны и должен был всегда быть готов отправиться в военную экспедицию, постепенно изменялась, создавались регулярные армии, и в течение IX века военная основа большинства восточных исламских государств кардинально изменилась. Ядром этих сил становились отряды платной стражи, состоящие в основном из рабов, купленных, отданных в виде дани либо унаследованных правящим князем. Эти стражники и составляли регулярную армию, стоимость которой была основной статьей расходов государства. В основном это были турки из Центральной Азии, а также славяне из Восточной Европы, греки и другие пленные из Анатолии, Армении и Грузии. Они были организованы в полки, один из которых выполнял функции личной стражи и предоставлял воинов для церемониальных торжеств. Все они были конными воинами, умевшими хорошо стрелять из лука в седле. Для ближнего боя они были вооружены копьями и саблями.

Эта постоянная армия конных стражников называлась *'askar* «аскар», отдельный воин – *'askari* «аскари» или *ghulam* «гулям» («мальчик», откуда, возможно, произошло «Ангулани» из *Gesta Francorum*). У них действовала регулярная система продвижения по службе, основанная на ее продолжительности, и каждый чин отличался по каким-либо особенностям одежды. Командир полка назывался «эмир» (что часто и неправильно переводится как «князь»), а старшие офицеры или главнокомандующий – «хаджиб» («управляющий»). Командиры, как пра-

вило, выбирались из личной стражи правителя и зачастую, помимо военных обязанностей, занимали важные должности при дворе. Офицерам, которые сумели подняться до таких чинов, дозволялось и даже полагалось покупать и содержать личные войска из числа их собственных рабов, после смерти их хозяина присоединявшихся к основному аскару обычно в виде отдельного полка, который назывался по имени своего бывшего владельца.

На содержание таких частных войск главным эмирам требовались большие средства, и для этого каждому выделялись все или часть доходов с того или иного района, правителем которого он становился и за защиту которого отвечал в первую очередь. Это и есть фьеф в исламском понимании. Этот термин очень удобен и его не стоит игнорировать, однако при этом не следует упускать из виду значительное различие между такими поместьями и настоящей феодальной системой. Постепенное ослабление бюрократии, изначально контролировавшей финансовое управление имперскими провинциями и самих военных правителей, практически полностью развязало им руки в управлении их фьефами. В результате эта система привела к хроническим перегибам в управлении и постоянному соперничеству эмиров, стремившихся выжать все соки из наиболее богатых регионов. Помимо этого данная система, как мы уже заметили, служила неиссякаемым источником для восстаний и стимулом к созданию независимых княжеств. Вряд ли найдется хоть немного правителей, даже довольно известных, которых бы не беспокоили подобные поползновения со стороны их эмиров. В частности слабость Сельджукского султаната и его неспособность поддержать сирийских князей в их борьбе с крестоносцами, как в начале нашествия, так и в последующие годы, можно объяснить его постоянной озабоченностью и страхом перед такого рода восстаниями во всех частях доминиона.

Численность аскаров, естественно, варьировалась в зависимости от могущества и ресурсов их хозяина. В арабских источниках не приводится никаких цифр о численности армий сирийских князей во время Первого крестового похода. Можно лишь с уверенностью сказать, что армии Рудвана и Дукака, главных князей Сирии, не могли превышать нескольких тысяч каждая, и силы менее значимых правителей были значительно меньше. 2000 *optimi milites*, которые западный источник приписывает Яги-Сияну, вероятно, и были его аскаром. Такая низкая численность войск вызвана существованием столь мелких княжеств, как Шейзар, у правителей которых было всего по несколько сотен воинов, и, судя по высокопарным выражениям Ибн аль-Каланиси, такие войска насчитывали максимум четыре или пять тысяч человек. С другой стороны, атабеки Месопотамии обладали более сильными регулярными армиями, и этот факт объясняет ту доминирующую роль, которую они, несомненно, сыграли в последующей истории Крестовых походов.

Хотя основу аскаров составляли воины-рабы, их ряды часто пополнялись за счет подразделений наемников, в более строгом смысле слова. Полки дайламитов, уроженцев горных районов к юго-западу от Каспийского моря, можно было встретить на службе у многих князей, и армяне служили в аскарах по крайней мере Дамаска и Египта. Мы знаем, что в Сирии тоже свободные люди записывались в аскары и, как и обычные воины, получали диван или плату в виде определенной части доходов.³ Во многих случаях регулярные аскары князей усиливались воинами туркменских племен, конными лучниками, которых также часто называли аскарами. Когда нам говорят, что регулярная армия сельджукского султана Малик-шаха составляла четырех тысяч человек, следует понимать, что в это число, помимо довольно большой стражи, состоявшей из рабов-тюрков (примерно сорок шесть тысяч человек), которых он содержал, входили подчинявшиеся ему туркмены. Вместе с тем, несмотря на их отвагу и хорошие боевые навыки, туркмены не являлись предсказуемыми и не обладали дисциплинированностью регулярных войск, что часто делало их просто опасными союзниками. Курдские племена тоже

³ Например, Усама ибн Мункид, который служил последовательно в аскарах Занги (Дамаск, Египет) и Нур аль-Дина. См. также его рассказ о переговорах между Рудваном бен аль-Валахиши и Муином аль-Дином Унуром.

поставляли дополнительных конных воинов, и достаточно большое их число записывалось в регулярные аскары.

Большая часть обычных стычек между сирийскими князьями, а также между ними и крестоносцами происходила при участии одних лишь аскаров и немногочисленной обозной команды. В более важных сражениях использовалась вторая линия войск.⁴ Название этих войск джунд (мн. число – аджнад) аналогично именованию старого арабского ополчения. Такая система ополчения сохранялась в Сирии и Месопотамии гораздо дольше, чем где-либо еще на Востоке, благодаря существованию арабских племенных организаций и постоянным конфликтам с Византией, однако приравнивать аджнад XI века к прежнему ополчению было бы ошибочным. Сирийские источники, однако, свидетельствуют о существовании территориальных войск типа милиции параллельно с аскарами. Военные силы более мелких арабских княжеств, друзов и других местных организаций полностью состояли из таких территориальных войск. У князей Шейзара, к примеру, был лишь небольшой аскар. Из рассказа Усамы явствует, что их аджнад состоял главным образом из арабов различных местных племен, а также из выходцев из Магриба (Северно-Западная Африка) и некоторого числа курдов.⁵ Отсюда можно сделать вывод, что аджнад Дамаска и других сирийских городов, хотя бы частично, состоял из тех же самых элементов. В свою очередь, система аскаров привела к формированию сил территориального резерва, также называемых аджнад и состоявших из войск, мобилизованных не на постоянной основе, а существовавших за счет выделения земельных наделов. Такие территориальные резервы имелись в Египте в XII веке,⁶ но они также могли существовать и в Сирии в период начала Крестовых походов. Вопрос о том, входили ли кочевые арабские племена в состав аджнада, остается открытым. Возможно, они составляли независимый джунд, напоминающий аскар туркмен.

Воины, составлявшие аджнад, как и аскары, были всадниками, и именно это, а не различия в организации отличало их от третьей линии войск – пехотинцев. С другой стороны, аджнад не всегда состоял из лучников, воины могли сражаться с копьями и саблями. Пехота состояла из различных элементов: городские рекруты, призванные на службу крестьяне, добровольцы в поисках вещественного и духовного вознаграждения за участие в священной войне, а также приверженцы различных рас и религий. Их воинская подготовка и дисциплина, как и экипировка, зависели от случая, и, хотя храбрость этих воинов неоспорима, их военное значение, как правило, было небольшим. Участие в военных операциях сводилось в основном к таким второстепенным действиям, как строительство оборонительных сооружений, рытье подкопов во время осад, охрана лагерей и гарнизонная служба в крепостях и цитаделях.

Доспехи мусульманских рыцарей обычно состояли из кольчуги, как правило доходявшей до колен, округлого шлема со щитком сзади, но без забрала, а также легкого круглого щита. Легковооруженные всадники носили вместо кольчуги короткие кожаные куртки или стеганные накидки. Во время Крестовых походов мусульмане позаимствовали у франков некоторые виды доспехов, например забрала, наручники и т. д. Лошади, как правило, оставались незащищенными. Главным оружием мусульманских наездников были лук, копье и сабля. Сначала легкое и сравнительно короткое копье ставило их в невыгодное положение в схватке с франками, но они решили эту проблему, сначала связав два древка копий вместе,⁷ а затем приняв на вооружение более тяжелое копье франков. В мирное время все доспехи и оружие хранились в арсенале правителя в его цитадели под охраной самого верного офицера его аскара. Когда аскар получал приказ о готовности к походу, войскам выдавали все необходимое, что по возвращении все

⁴ Сравните, например, Ибн аль-Каланиси (арабский текст), 132, 6–7: *indāfa 'ilaihim* (т. е. *al-'askariya*) *jamā atun min al-'ajnadī*. Возможно, это *milites gregarii* Раймунда Ажильского.

⁵ Под редакцией Ф. Хитти, 38, 13; 46, 11; 48,3 от конца; 49, 12; 70, 2 и т. д.

⁶ Сравните, Ибн аль-Каланиси, с. 331, последняя строка.

⁷ Усама, под ред. Хитти, 101, 11–12 (*An Arab-Syrian Gentlemen*, 131).

сдавалось обратно на хранение. Иногда аджнад тоже получали экипировку из арсенала, но, как правило, эти воины должны были иметь собственное вооружение и лошадей. Дополнительные доспехи и оружие перевозились в обозах. У пехоты также было свое вооружение: луки, сабли, кинжалы или, на крайний случай, заостренные колья, упроченные с помощью огня и используемые как метательные дротики или копья.

Во время военной кампании аскар сопровождал большой обоз, который тянули верблюды и мулы, что обычно замедляло движение войска. Подробные сведения об интендантстве отсутствуют, однако существовала некая организация по обеспечению войск провизией и фуражом, и спонтанное фуражирование, по крайней мере на дружественной территории, не поощрялось. С другой стороны, трудности адекватного обеспечения войск были причиной того, что военные кампании редко проводились зимой и даже в другие периоды года обычно ограничивались кратковременными вылазками, продолжавшимися два-три месяца. Крестоносцы, похоже, подали пример строительства специальных лагерей для ведения зимних кампаний.

Обычно при проведении атаки войска занимали позицию напротив врага, и все начиналось с дуэли лучников. Когда же враг начинал уступать, в дело вступала конница со своими копьями, и все заканчивалось рукопашной схваткой на саблях. Бросаться на еще не сломленную линию противника было не принято, так же как и поспешно сходить с ним. Арабская конница придерживалась своей традиционной тактики. Она бросалась в атаку, но, не дойдя до линии противника, поворачивала и имитировала бегство, когда же противник начинал ее преследовать, конница разворачивалась в заданном пункте и атаковала врага. Крестоносцев часто критиковали за излишнюю осторожность, но при этом все боялись их «знаменитого удара». В битве пехота играла второстепенную роль, и успех схватки зависел от кавалерийского удара. Отважные всадники безжалостно рубили и брали в плен пехоту проигравшей стороны.

До нашествия крестоносцев методы фортификации и осады были довольно простыми. Как правило, сначала предпринималась попытка захватить город или крепость с первой атаки, притом неожиданно. Если это не удавалось, атакующая армия без лишних затруднений ретировалась либо осаждала опорный пункт в надежде на то, что голод заставит защитников сдаться. Главным осадным оружием была баллиста, а иногда и таран. Пример их использования был заимствован у римлян. Более эффективным методом прорыва укреплений было подведение сапы под башню или стену. В ней разводили огонь, земля проваливалась, и укрепление рушилось. Однако эти методы были мало эффективны при осаде цитадели, построенной на скалах, особенно если ее фундамент, как это можно часто видеть в Сирии, стоял на прочной античной каменной кладке. В таком случае решительный правитель мог отражать атаки неприятеля неопределенно долгое время. В значительной мере причина успеха крестоносцев заключалась в более жестких методах осады, а также зависела от прочности фортификационных сооружений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.